

Государство и общество в поле зрения отечественной словесности

Повсюду в мире, где в совершенствовании государства и общества сознают главенство культуры, внимание политиков и общественных деятелей устремлено, в том числе, на национальную и мировую литературу. Кажется, смотришь в нее, как в зеркало, и совершенствуй себя и свое общественное бытие. В полной мере это имеет отношение и к великой русской литературе. В России, правда, всегда крепко держались мнения, согласно которому в собственном отечестве пророка не бывает. Тем не менее, пока у нас не иссяк интерес к социальным проблемам, не может пропасть и интерес к прозрениям, накопленным отечественной классикой. На протяжении более чем двухвековой истории русские литераторы были не только наблюдателями, но и активными участниками процессов, происходивших в пространстве взаимоотношений отдельного человека (или отдельного коллектива), с одной стороны, и государственной власти в самых разных ее проявлениях, с другой¹. Что же видели русские писатели, каким образом они надеялись изменить несовершенное общество, несовершенного человека и несовершенное российское государство?

* * *

Исследователь, разумеется, прежде всего обратит внимание на те произведения, в которых звучат прямые призывы к улучшению государства в его управлении подданными или даже предпринимаются дерзкие попытки создания его идеальной модели. Вышедшие в свет с разницей всего в девять лет пьеса Дениса Ивановича Фонвизина «Недоросль» (1781) и путевые очерки Александра Николаевича Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) из таковых. Они положили начало не только всей проблематике отношений общества и государства, но и наметили две магистральные линии ее развития в русской литературе. Первая: адресованное власти предупреждение, что чинимые ею беззакония и безобразия, грубое попрание прав подданных могут в конце концов породить бунт. И второе: изложение тех или иных проектов разрешения общественно-государственных конфликтов – от реформаторских до фантастических.

Знаменитая комедия Фонвизина, кроме ее разоблачительно-сатирического пафоса, интересна еще в одном отношении. Как помним, одним из центральных ее героев является присланный из столицы государственный чиновник Правдин. Именно он, наделенный монаршей властью, вершит суд над зловердными провинциальными помещиками Простаковыми и поддерживает в делах и помыслах возвратившегося из

¹ В краткой статье нет возможности детально рассмотреть проблему, поэтому внимание будет уделено лишь некоторым, ключевым, на мой взгляд, фигурам литературы XIX столетия, обратившимся к заявленной проблематике.

Сибири предпринимателя Стародума. В содержании комедии явно виден идеал просвещенного монарха, через своих чиновников вершащего праведный (отсюда и говорящая фамилия Правдин) суд, равно как и не чуждого либеральным идеям. Отмечу, что только в форме проекта такого рода и единственный (!) раз за все время существования русской литературы зло оказывается разоблаченным и посрамленным, а на сцене (коль скоро мы имеем дело с пьесой) после его изгнания остается торжествующее добро.

Однако довольно быстро на смену первому опыту – проекту гармонизации отношений между государством и обществом в рамках просвещенной монархии – приходит ставший типичным для отечественной словесности жанр критико-реалистического повествования, к тому же в крайнем его варианте. Знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» – не только беспощадное обнажение язв и болезней российского общества, но и грозное предупреждение власть имущим: не облегчите жизнь крепостных – бойтесь их топора. Реакция царицы не заставила себя ждать: многолетняя ссылка и преследования свели Радищева в могилу в пятьдесят с небольшим лет.

Несколько позже, вслед за Фонвизиним и Радищевым к теме общества и власти обратился Александр Сергеевич Пушкин. В романе «Капитанская дочка», а еще более в драме «Борис Годунов», вопросы о легитимности власти, механизме ее становления и роли в этом процессе общества (народа), главные. Описываемые в произведениях исторические события совпадают в сюжетном замысле. В центре – фигура самозванца, озабоченного легитимацией своей власти. Оказывается, в самодержавной России начала XVII столетия для успешности такого предприятия требуется всего два – три условия. Это, во-первых, определенные личные качества претендента, его способность «преступить», сделать то, что для всех остальных невозможно: богобоязненным тут делать нечего, а склонным к разбою самое место. Во-вторых, способность самозванца «играть» на распрях, раздирающих правящую элиту и на внешнеполитической ситуации – претензиях соседей, ищущих предлога для борьбы за русский престол. И, наконец, главное: появление и торжество самозванца обеспечивается безмолвием народа – его страхом, неразвитостью и, как следствие, безразличием к происходящему. Для народа царь одинаково страшен в любом образе: будь он помазанник Божий или лихой человек.

Безмолвие народа не означает у Пушкина, как это иногда трактуется, его нравственного оправдания². Не случайны произносимые в адрес народа уничижительные суждения бояр³ и самого Бориса: он темен и нищ, а нищета, как известно, лишает человеческого достоинства, в том числе и совести. Так,

² В отечественных исследованиях есть точка зрения, согласно которой народ осуждает зверства царских приспешников. См., например: *Волков Г.* Мир Пушкина. Личность, мировоззрение, окружение. М., 1989. С. 119. Мне она, однако, не кажется основательной.

³ С одним из них – боярином Пушкиным – поэт отождествлял себя.

демонстрируя холопское безразличие в приятии самозванца, толпа бросается к дворцу с криками: «Вязать Борисова щенка!», «Да гибнет род Бориса Годунова!» и замолкает лишь когда дело чужими руками сделано.

В предложенную трактовку вписывается и портрет народа в заключительной, не вошедшей в основной текст «Капитанской дочери», сцене осады амбара, в которой хозяин имения с женой, сыном и Марьей Ивановной забаррикадировался от взбунтовавшихся крестьян, казаков и башкир. Очевидно, что симпатии Пушкина – на стороне осажденных, а народ и в самом деле «толпа злодеев», как говорит о нем один из обороняющихся.

В ответ на возможную критику отвечаю: разумеется, все не так однозначно. Но это также означает и то, что противоположное утверждение о благостности народа столь же не верно, как и однозначная его оценка в качестве злодея. Пушкин не дает однозначной характеристики. Общим знаменателем у него звучит мысль: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный! Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка»⁴.

Пушкинская оценка народа подтверждается и пришедшим в русскую литературу вслед за ним А.И. Герценом. О том, что являло собой российское общество в пушкинскую эпоху, читаем его замечательное свидетельство: «Невозможны уже были никакие иллюзии: народ остался безучастным зрителем 14 декабря⁵. Каждый сознательный человек видел страшные последствия полного разрыва между Россией национальной и Россией европеизированной. Всякая живая связь между обоими лагерями была оборвана, ее надлежало восстановить, но каким образом? В этом и состоял великий вопрос»⁶. Наблюдение Герцена симптоматично: спустя полстолетия, считая от Радищева, не было никаких признаков изменений в самосознании народа. А главной национальной задачей литераторам по-прежнему виделась гармонизация отношений между обществом и государством. Кто и как должен был идти навстречу друг другу? Оправдались ли надежды?

* * *

В «спокойной» России, и в самом деле, десятилетиями почти ничего не менялось. Описанная в гоголевском «Ревизоре» (1836) провинциальная жизнь, равно как и связанные с приездом петербургского чиновника события, мало чем отличались от сюжетов, которые мы находим, например, в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова (1856) или в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1869). Но если Гоголь и Аксаков исследуют порок системы правления, то Щедрин обращается к двум взаимодействующим сторонам: к управляющим и управляемым. При этом в его повествованиях мы находим весь спектр методов – от совершенно варварского, сопряженного с насилием и даже убийством, до вполне цивилизованного,

⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-ти томах. Т. 3. М., 1981. С. 328.

⁵ Речь, естественно, о восстании декабристов 14 декабря 1825 года. – С.Н.

⁶ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти томах. Т.7. М., 1956. С. 214.

вовлекающего подданных в преобразовательные замыслы либерального толка. Впрочем, в рамках либерального начинания никому из щедринских градоначальников, как помним, удержаться не доводится, и едва начавшее расти в душах обывателей «дерево гражданственности» грубо и нетерпеливо рубится под корень с привычным приказом «Влепить!»

Что же до качеств управляемого общества, то Щедрин отмечает, наряду с прочими, характерную особенность русских людей – способность и готовность по приказу быть всем, чем угодно⁷. Однажды, пишет Михаил Евграфович, покойный литератор Кукольник «необыкновенно ясно и дельно», без каких-либо приготовлений изложил перед композитором Глинкой историю Литвы, и когда последний выразил свое удивление по этому поводу, отвечал: «Прикажут – завтра же буду акушером». Ответ этот, отмечает Щедрин, драгоценен, ибо, давая представление о «мере талантливости и игры ума» русского человека, раскрывает и некую тайну, свидетельствующую, что упомянутая талантливость находится в теснейшей зависимости от «приказания». «Ежели мы не изобрели пороха, - объясняет автор “Истории одного города”, - то это значит, что нам не было это приказано; ежели мы не опередили Европу на поприще общественного и политического устройства, то это означает, что и по сему предмету никаких распоряжений не последовало. Мы не виноваты. Прикажут – и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут – и просвещение, вместо школ, сосредоточится в полицейских управлениях. Куда угодно, когда угодно и все, что угодно. Литераторы ждут приказания, чтоб сделаться акушерами; повивальные бабки стоят во всеоружии, чтоб по первому знаку положить начало родовспомогательной литературе. Все начеку, все готово устремиться, куда глаза глядят <...> Уверенность в нашей талантливости так велика, что для нас не полагается даже никакой профессиональной подготовки. Всякая профессия доступна нам, ибо ко всякой профессии мы от рождения вкус получили. Свобода от наук не только не мешает, но служит рекомендацией, потому что сообщает человеку букет “свежести”»⁸.

Замечу, что щедринская характеристика затрагивает мимоходом и главную идейную контроверзу того времени – спор славянофилов и западников: тезис «для русского человека нет ничего недостижимого» охотно разделялся многими идеологами-почвенниками, которые всерьез полагали, что для какого-либо свершения нам не требуется ничего, кроме, говоря словами Щедрина, «чистоты сердца и не вполне поврежденного ума».

Вместе с тем, отмечу, что нелестное суждение Щедрина относится все же не столько к русскому народу и его свойствам, сколько к «технологии» самой власти – уровню задач, ею выдвигаемых: «Требовались только *простые* сапоги, *простое* платье, *простая* музыка, то есть такие именно вещи, для выполнения которых совершенно достаточно двух элементов: приказания и готовности. Кукольник знал, что говорил, когда вызывался хоть

⁷ Это же, как мы увидим, с безнадежностью отметит и Н.С. Лесков.

⁸ *Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 10-ти томах. Т.3. М., 1988. С. 68 – 69.*

сейчас быть акушером»⁹. Однако как только дело касается чего-то сложного, требующего знаний, опыта, свободного состояния и систематического труда, от пресловутой талантливости и готовности выполнить все что угодно остается «пустое место»¹⁰. Привычный способ решения проблем весьма хорош и так близок русскому сердцу! Все должны быть «обузданы» и «приведены к общему знаменателю». «Нам все еще чудится, что надо нечто разорить, чему-то положить предел, что-то стереть с лица земли. Не полезное что-нибудь сделать, а именно только разорить. Ежели признаться по совести, то это собственно мы и разумеем, говоря о процессе созидания»¹¹, - подводит черту Щедрин. Из всего, что принесла нам просвещенная Европа, «митрофанушки» усвоили одну только Табель о рангах. Во всем остальном Запад, по их суждению, весьма и весьма плох. «Мнения, что Запад разлагается, что та или другая раса обветшала и сделалась неспособною для пользования свободой, что западная наука поражена бесплодием, что общественные и политические формы Запада представляют бесконечную цепь лжей, в которой одна ложь исчезает, чтоб дать место другой, - вот мнения, наиболее любезные Митрофану»¹².

Однако жить в таком мире даже для «митрофанов» делается чем далее, тем труднее. Все настоятельнее требуется «новое слово». И время от времени «митрофаны» вынуждаемы перенимать с Запада какую-нибудь «новую штуку». Но поскольку она – «штука» - перенимается ими «независимо от общих форм жизни, то весьма естественно, что она их же бьет в лоб. Мир открытий и изобретений в глазах Митрофанов есть мир подробностей, существующий *an sich und fur sich*¹³ и не имеющий внутренней связи с общим строем жизни»¹⁴. Вот почему русские «митрофаны» постоянно попадают впросак, какой бы ни была полюбившаяся им «новация». И Щедрин, в том числе и в назидание «митрофанушкам» XXI века, формулирует свой вывод-приговор: «Если каждое новое открытие или усовершенствование приводит лишь к тому, что бьет в лоб, и ежели при этом нет даже поползновения определить причину такого странного действия открытий и усовершенствований, то остается одно из двух: или закутаться в саван, или обратиться в дикое состояние»¹⁵. И хотя Бог милостив и перед Россией постоянно возникает возможность лучшей жизни, но на все у нас неизменно следует один ответ: «Погодите! еще время не пришло!» Нужно сословие адвокатов? Нужен гласный и уставный суд? Нужны земские деятели и им нужно передавать власть на местах? Нужны опыты крестьянского самоуправления? – На все один ответ.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ То, как русская власть иногда умела эту «талантливость» преодолевать, хорошо известно из реформ Петра I и Александра II.

¹¹ Там же. С. 76.

¹² Там же. С. 78.

¹³ В себе и для себя (*нем.*).

¹⁴ Там же. С. 82.

¹⁵ Там же. С. 83.

А машина истории не имеет ни механизма заднего хода, ни тормозов. Вот уж приходит новый, капиталистический строй. И что же он застает? «Подготовки нет, а ремесленность уже проникает всюду. Ремесленность самого низшего сорта, ремесленность, ничего иного не вожделеющая, кроме гроша. Надул, сосводничал, получил грош, из оного копейку пропил, другую спрятал – в этом весь интерес настоящего. Когда грошей накопится достаточно, можно будет задрать ноги на стол и начать пить без просыпу: в этом весь идеал будущего <...> Молчание – вот единственный ясный результат, который покуда выработала наша так называемая талантливость»¹⁶ Знакомая картина, не правда ли?

* * *

Новую систему взаимоотношений общества и государства в романе «Что делать?» (1863) проектирует Николай Гаврилович Чернышевский. Автор создает один из первых в отечественной литературе вариант «коммунистической утопии». Причем от свойственной до него русской классике христианской традиции не остается и следа. «Новые люди» объявляются единственными творцами социальных и нравственных ценностей государства и общества. Богом человека становятся здравый смысл, целесообразность и польза. Для «старых» людей в новом обществе места нет, и ответ на вопрос об их будущности предельно ясен. Очевидно, что права человека, верховенство закона и прочие универсальные ценности ставятся в зависимость от того, что в XX столетии в лексике большевиков, наследников Чернышевского, получило наименование «революционной целесообразности». Парадоксально, но именно поэтому конструкции писателя не хватало «технологичности»: не было понятно, на каких основаниях – смыслах и ценностях, присущих русскому взгляду на мир, - она может быть возведена.

Образовавшийся пробел попытался восполнить Федор Михайлович Достоевский. Своим «подпольным человеком», главным, по его словам, человеком в русском мире¹⁷, он пророчески указал на будущего героя отечественной политической сцены, равно как и на характер грядущих взаимоотношений общества и государства. Теперь конструкция Чернышевского обрела законченность, оставалось лишь дожидаться появления реальных деятелей, в которых произошел бы сплав низменных качеств «подпольного человека» и идеологии «новых» людей с их общим тезисом «цель оправдывает средства». Впоследствии об этом дьявольском «коктейле» писал Ф.А. Степун¹⁸ и его же имел в виду Н.А. Бердяев, говоря, что большевизм есть не что иное, как смесь подсознательного извращенного апокалипсиса с нигилистическим бунтарством.

¹⁶ Там же. С. 84.

¹⁷ Подробнее об этом: *Никольский С.А.* Достоевский и явление подпольного человека // Вопросы философии. 2011, № 12.

¹⁸ *Федор Степун.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 509.

Герой Достоевского в «Записках из подполья» только мучается своей низменной мыслью, не имея духовных и физических сил ее реализовать. Но уже следующий герой писателя, студент Родион Раскольников, ставит над собой эксперимент, пытаясь перешагнуть через «ничтожество» - старушку-процентщицу. Перешагнуть смог, но идти дальше сил не было, очевидно, потому, что «подпольный человек» только вышел на поверхность. В «Бесах» же «подпольный» делает следующий шаг и производит открытие: для борьбы с государством и властью, которые есть организованная сила, требуется такая же организованная сила – революционная ячейка. Однако тот же «подпольный человек» обнаруживает, что подобного ему «человеческого материала», кроме Петруши Верховенского да еще одного-двух, нет никого: остальные проверку на кровь не проходят. Получалось, что «новый человек» должен быть воспитан, а еще лучше – выведен как порода. Эту породу Достоевский чувствовал отлично. Многие герои «Братьев Карамазовых», выведенные из самых темных основ русской жизни, именно таковы. Они не только не страдают по поводу своих «подпольных качеств», но вовсе не замечают ни их, ни порождаемых ими злодейств.

Таким образом, самое начало ледовой дорожки революции и насилия во взаимоотношениях государства и общества, по которой Россия, словно с горки, покатилась в XX столетии, помечено в отечественной литературе знаком шабаша. И хотя Достоевский пытался предостеречь общество об опасности экспериментов (вроде проекта Чернышевского) над русским человеком с его «подпольем», его голос не был услышан.

Надо отдать должное отечественной словесности: революционаристская линия разрешения кризисных взаимоотношений общества и государства никогда не была для нее главной. Ей всегда противостоял гуманизм великой русской литературы. Много и глубоко размышляли об этом Лев Толстой, Лесков, Чехов. Но ценности, о которых они говорили, требовали большой работы самой личности: усилий, ответственности, мужества, – в то время как «рецепты» революционного переустройства к совершенствованию индивида отношения не имели и предлагали иные, простые и в своей простоте привлекательные для «массы» решения. Впрочем, и государство тоже не спешило разнообразить свои политические методы, продолжая по большей части руководствоваться все тем же щедринским «тащить и не пущать».

* * *

Творчество Александра Васильевича Сухово-Кобылина в отечественной гуманитарной мысли, к сожалению, существенно недооценено. Между тем ставшие достоянием читающей публики все три его пьесы - «Свадьба Кречинского» (1854), «Дело» (1861) и «Смерть Тарелкина» (1869) - не только каждая по отдельности, но как единая трилогия делали свое важное дело, открывая никем прежде не замечаемое. О Кобылине следует прежде всего сказать как о первооткрывателе столь важной для XX столетия философско-политологической темы тоталитарного государства,

которая много позднее стала центральной для Франца Кафки с его романом «Процесс», равно как и для романной прозы Андрея Платонова.

Время пьес Кобылина – это время поиска образа «нового человека», который шел на смену уже изученным философствующей литературой феноменам. В литературном пространстве «новый человек» теснил так называемых «лишних людей», «героев-идеологов» и даже сравнительно новую фигуру – «человека дела» (Штольца у Гончарова, Соломина у Тургенева и др.). У Чернышевского «новые люди» получали откровенно фантастические черты, у Льва Толстого они облекались в идеальные одежды, в которых было удобно бить поклоны народу, у Достоевского «новые люди» предстали либо в лике человека из «подполья», либо в образе почти святых. Но то все были индивиды или их небольшие группы. У автора «Дела» «новый человек» недвусмысленно предстает как организованная часть единого страшного целого – преступной корпорации, порожденной государством и действующим от его имени.

«Новый человек» Кобылина перешагивает сразу несколько ступеней злодейской иерархии и оказывается не только человеком XIX века, но и хорошо узнаваемым персонажем, типичным для российского государства в XXI столетии. В качестве квартального надзирателя или следователя этот «новый человек» олицетворяет устремления полиции и органов дознания. В качестве прокурорского или судейского чиновника – карательные органы. Драматург впервые столь масштабно ставит не просто проблему отношения государства и отдельного человека, но отношения организованного внутри власти преступного сообщества, с одной стороны, и разрозненных индивидов так и не сложившегося в России гражданского общества, с другой. Более того, все три пьесы подводят к формулировке простой и ужасной идеи: государство в России может сделать с человеком все, и жизнь под пятой власти опасна, трагична, а то и вовсе невозможна. Итог: честному человеку придется или умереть в этой стране, или из нее бежать. В одиночку борьба со злом бессмысленна.

Такая ясность и четкость выводов не случайна. Хорошо известно, что Сухово-Кобылин всю жизнь питал пристрастие к занятиям философией, и, хотя его философские сочинения, к сожалению, до нас не дошли, сам он признавался: «Если пьесы мои носят специальный характер богатства содержания и особенно концентрации формы, я думаю, я не только этим, но и самим созданием этих пьес обязан философии»¹⁹.

Что ожидает читателя, когда он берет в руки трилогию Сухово-Кобылина? Комедия «Свадьба Кречинского» – об обмане в самом святом для начинающей жизнь девушки – любви. Драма «Дело» – о возможности уничтожения любого человека, с которым столкнется не признающая законов и легко сминающая все на своем пути государственная машина. Так называемая «комедия-шутка» «Смерть Тарелкина» – о безграничной власти

¹⁹ Цит. по: Бессараб М. Сухово-Кобылин. М., 1981. С. 210.

чиновников и людоедских аппетитах «государственных» людей, простирающихся даже на потусторонний мир. Безысходность повествования Кобылина идет, таким образом, по нарастающей, и это сказывается на самой его форме: от комедии с элементами драмы – к драме – и далее к фантазмагории.

Каковы бы ни были сюжеты его пьес, как бы они ни развивались и в чем бы ни состояли их кульминация и развязка, за всем этим, подобно глыбе, стоит образ преступной корпорации, организованной в государство. Все ее члены связаны круговой порукой. Однажды принятый в корпорацию человек может покинуть ее, только сойдя в могилу. Это, кстати, прекрасно известно главному герою «Смерти Тарелкина», который, пытаясь вырваться на свободу, имитирует собственную кончину, а для правдоподобия подкладывает в гроб с муляжом трупа тухлую рыбу.

Изобразив на сцене «фирменный» чиновничий прием – поправление личности как средство укрепления авторитарного государства, Кобылин, разумеется, никакого открытия не совершил. В России об этом было отлично известно на протяжении веков, да и пальма первенства в изображении самодержавной власти, безусловно, принадлежит Гоголю и его бессмертному «Ревизору». Однако, в отличие от Николая Васильевича, Александр Васильевич писал свои пьесы в то время, когда происходили судьбоносные перемены: состоялась отмена крепостного права, проводились либеральные реформы царя-освободителя. И что же обнаруживает драматург? В устройстве государственного механизма, в его работе ничего не изменилось. Это, кстати, подтверждал и цензурный отказ на постановку «Дела». «Настоящая пьеса, - писал цензор, - изображает, как по придирчивости полицейских и судебных властей из самого ничтожного обстоятельства, по ложному перетолкованию слов, возникают дела, доводящие до совершенной гибели целые семейства. Недальновидность и непонимание обязанностей своих в лицах высшего управления, подкупность чиновников, от которых зависит направление и даже решение дел, несовершенство законов наших (сравниваемых в пьесе с капканами), безответственность судей за их мнение и решение – все это представляет крайне грустную картину и должно произвести на зрителя самое безотрадное впечатление, которое еще усиливается возмутительным окончанием пьесы»²⁰. Что же за «дело», так испугавшее власть, осмелился раскрыть Кобылин?

Начав в «Свадьбе» с истории незначительного по своим масштабам мошенничества Кречинского, во второй пьесе – «Деле» – автор обращает взор к российскому государственному зданию. С этого – предупреждения о готовящемся властями уничтожении семейства героя Отечественной войны 1812 года помещика Муромцева и начинается вторая часть трилогии Кобылина. Вот выдержка из письма-предупреждения помещику: «С вас хотят взять взятку – дайте; последствия вашего отказа могут быть жестоки. Вы хорошо не знаете ни той взятки, ни как ее берут; так позвольте, я это вам

²⁰ Там же. С. 220.

поясню. Взятка взятке рознь: есть *сельская*, так сказать, пастушеская, аркадская взятка; берется она преимущественно произведениями природы и по стольку-то с рыла; - это еще не взятка. Бывает *промышленная* взятка; берется она с барыша, подряда, наследства, словом приобретения, основана она на аксиоме – возлюби ближнего твоего, как самого себя; приобрел – так поделись. – Ну, и это еще не взятка. Но бывает *уголовная*, или *капканная* взятка; - она берется до истощения, догола! Производится она по началам и теории Стеньки Разина и Соловья Разбойника; совершается она под сению и тению дремучего леса законов, помощью и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия, расставляемых по полю деятельности человеческой, и в эти-то ямы попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый <...> Таковую капканную взятку хотят теперь взять с вас; в такую волчью яму судопроизводства загоняют теперь вашу дочь. Откупитесь! Ради бога откупитесь! <...> С вас хотят взять деньги – дайте! С вас их будут драть – давайте!»²¹.

Поставленная на службу профессиональных стяжателей-чиновников государственная власть изображается как неотвратимая и непобедимая, почти природная сила. Государство, не имеющее противовеса в лице общества, не подчиненное законам (каковые либо отсутствуют, либо игнорируются), не контролируемое судом и независимой печатью, – такое государство превращается в монстра.

Муромцев решается собрать требуемую разорительную для него сумму и передать высокому начальнику. Время, однако, упущено, дело уже вышло из-под контроля Варравина (сиречь разбойника), и даже за взятку повернуть его в пользу Муромцева нельзя. Тем не менее «капканная» взятка берется, а взяточник, оставив себе львиную ее долю, публично и со скандалом разыгрывает сцену собственной неподкупности и обличения помещика. Капкан захлопывается, Муромцев уничтожен.

Завершает трилогию пьеса «Смерть Тарелкина» - о корпоративной чиновной «семье» - союзе, скрепленном общими преступлениями. Чиновничество - послушный инструмент в руках начальства, ненасытные корыстолюбцы. Но более всего горе несчастному, на которого обрушились и гнев начальства, и жажда наживы его подчиненных. Выхода из ситуации снова нет.

* * *

Изменений в государстве, в том числе – в понимании им своих целей и задач, почти никогда не наступает до того, как соответствующих изменений не претерпит общество. С конкретного человека, с изменения осознания им самого себя и своего жизненного мира начинаются движения в общественном и государственном организмах.

Творчество Николая Семеновича Лескова – одного из крупнейших русских писателей XIX столетия, по уровню вполне сопоставимое с творчеством Льва Толстого и Достоевского, сделавших вопросы изменения

²¹ Сухово-Кобылин А.В. Трилогия. М., 1955. С. 93 - 94.

природы человека главным предметом своего художественного исследования, долгое время не находило должной оценки. В начале 1860-х годов, в то время, когда Лесков только начинал свою писательскую карьеру, русская культурная жизнь была чрезвычайно политизирована. Лесков ни к одному из полюсов не примыкал. Один из современных исследователей его творчества, Л.А. Аннинский пишет: «“Направление” Лескова – это “направление” широкого демократизма; это позиция человека, безусловно принимающего и поддерживающего реформы, человека безусловно прогрессивных взглядов, человека, безусловно враждебного охранительству, ретроградности и бюрократическому застою русской жизни. Лесков вышел из разночинства, он рано сознал себя как просветитель, “конституционалист” и сторонник реального раскрепощения народа; он в этих убеждениях был тверд и никогда им не изменил. При этом учтем и то, что в отличие, скажем, от Достоевского с его общечеловеческими безднами и Толстого с его нравственным максимализмом, Лесков в вопросах реальной политики – человек здравого смысла и практически трезвого взгляда на вещи. Именно поэтому он – “постепеновец” и “реформист”, противник крайних радикалов и изобличитель бунтарских элементов в общественном движении. Он боится практического срыва, боится реальной реакции, боится ответной крайности – и все его знание России, весь его жизненный опыт, вся выношенная за тридцать лет установка на практический результат, а не на “отвлеченную философию”, – все это вполне объясняет его “направление”»²².

Главной приметой времени, в которое Лесков начал писательскую деятельность, была отмена крепостного права. Дарованные свободы и реформы далеко не всеми воспринимались как благо. Малоземельное крестьянство, особенно из числа «слабосильных» членов общины, получив не столько землю, сколько возможность ее выкупа – то есть лишь перспективу стать собственником, без «забот» хозяина-помещика почувствовало себя еще хуже, чем прежде. Да и пора писательских мечтаний прошла. О времени, когда революционные демократы ждали появления в стране «новых людей» и самозабвенно о них живописали, Лесков отзывался так: «Хотел бы я воскресить Чернышевского и Елисеева: что бы они теперь писали о “новых людях”? <...> Если исправничий писец мог один перепороть толпу беглых у меня с барок крестьян, при их же собственном содействии, то куда идти с таким народом? “Некуда”²³! <...> Рахметов Чернышевского это должен был бы знать! <...> Ведь с этим зверьем разве можно что-нибудь создать в данный момент? <...> Удивительно, как это Чернышевский не догадывался, что после торжества идей Рахметова русский

²² Аннинский Л.А. Катастрофа в начале пути // Лесков Н.С. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. 1. М., 1993. С. 680.

²³ «Некуда», взятое в кавычки, отсылает к называнию одного из основных романов Н.С. Лескова.

народ, на другой же день, выберет себе самого свирепого квартального <...> Идеи, которые некому и негде осуществлять, скверные идеи!»²⁴

В какой мере были уместны революционистские упования на русский народ? Имелись ли для этого объективные предпосылки? Какова была природа человека – реального и воображаемого творца общественных перемен?

Только что состоявшееся освобождение от крепостничества миллионов крестьян и утрата сотнями тысяч привычных источников дохода создали своего рода социальный вакуум. Естественного вызревания перемен в рамках предыдущего социально-экономического уклада не состоялось. Освобождение пришло «сверху», и, значит, социально-экономическая система не была адаптирована к новым правилам. И такому вот фрустрированному обществу и растерянному человеку предлагалась опять же чуждая им, не вызревшая в них самих идея искусственного порождения новых субъектов экономической деятельности, носителей новой идеологии. «Нетерпеливцы» всячески подталкивали общество вперед, в то время как авторитарное государство из всех сил жало на тормоз. Такова была современная Лескову реальность. Как жил в ней человек, желающий перемен?

Поискам ответа на этот вопрос, строго говоря, посвящено все творчество Лескова, но я остановлюсь лишь на одном из его рассказов под названием «Овцебык» (1862). В центре повествования судьба странного человека, своим характером, поведением и устремлениями напоминающего не только «лишних людей» русской классической литературы, но и начавших появляться в романной прозе Тургенева героев, ставящих перед собой цели, намного превосходящие их силы и возможности, то есть недостижимые.

Василия Петровича Богословского, получившего прозвище «Овцебык», в советском литературоведении нарекли «разночинцем-революционером». На самом деле он не имеет никакой «прописки» в социальной иерархии и уже самым прозвищем подтверждает свою особость, несовместимость с русской средой обитания. Он никак не может свыкнуться с тем, что в мире невозможно найти ни истину, ни справедливость, и все куда-то стремится, бежит, ищет собеседников и товарищей, отправляясь то к староверам, то к мужикам-крестьянам, то в монастырь, а то к работникам.

Одна из причин его неудач состоит в том, что он, как его определил местный, взявшийся ему покровительствовать деловой человек, – «ни барин, ни крестьянин, да и ни на что никуда не годящийся». Это со временем начинает понимать и сам Овцебык. В одном из писем он сообщает: «Делать мне здесь нечего, и я одним себя утешаю, что нигде, видно, нечего делать опричь того, что все делают: родителей поминают, да свои брюхи набивают <...> Некуда идти»²⁵.

²⁴ Цит. по: *Аннинский Л.А.* Указ. соч. С. 690.

²⁵ Там же. С. 85.

Итак, уже в этом рассказе Лескова появляется столь важное для всего его творчества слово – «некуда». Не может перемахнуть через это слово Овцебык и с помощью ременного пояса сводит счеты с жизнью. Непреодолимой преградой это слово стоит на пути развития российского общества и государства.

От неодолимо надвигающихся на страну требований перемен Россия XIX столетия пытается защититься чем-то наподобие того круга, который чертил вокруг себя, обороняясь от нечистой силы гоголевский философ Хома. На эту характерную национальную особенность в выстраивании отношений между обществом и государством обращает внимание Антон Павлович Чехов. На примере рассказа «Интеллигентное бревно» мы ясно видим конфликт, возникший между имплантируемыми в российское общество требованиями закона и традиционной ментальностью. Автор погружает читателя в конфликт между помещиком Помоевым и крестьянином, который в ответ на побои подал жалобу мировому судье. Судья этот, кстати, приятель Помоева, никак не может втолковать помещику, что не крестьянин, а именно он, помещик, нарушил закон:

«- Ну, хорошо, - начал Помоев <...> - ты Гришке 10 рублей присудил, а на сколько же ты его в арестантскую упек?»

- Я его не упекал. За что же его?

- Как за что? – вытарацил глаза Помоев. – А за то, чтоб жалобы не подавал! Нешто он смеет на меня жалобы подавать?»²⁶

Не пробиться и сквозь дремучие крестьянские представления о порядке и необходимости его соблюдения следователю в рассказе «Злоумышленник». В мир мужиков-крестьян никак не встраиваются внешние для них новации – железные дороги, паровозы, рельсы. Их, по сути природный мир, замкнут, а прорубать в нем окна в задачу государства не входит: у него свои заботы, в том числе и те, что описаны Сухово-Кобылиным. А потому и крестьяне глухи к изменениям в этом «внешнем» и чужом для них бытии.

Никак не может признать своей вины за избиение крестьян и герой одноименного чеховского рассказа унтер Пришибеев. Правовые отношения он толкует по-своему. По нему, право всегда и исключительно должно быть на стороне власти. Эта истину надлежит раз и навсегда усвоить крестьянам, а он, честный и уважающий «закон» солдат, всегда будет охранять этот порядок. Как тут быть?

Начинать изживать старые социальные предрассудки надо, в том числе, и с самих себя. И Чехов, с его «горестно-оптимистическим», по словам С.Н. Булгакова, взглядом на действительность²⁷, рисует свой проект преобразования существующих общественных отношений в рассказе «Моя жизнь». У героя рассказа Мисаила Полознева застарелый конфликт с отцом: физический труд, которым хочет зарабатывать на жизнь юноша,

²⁶ Чехов А.П. Полн. собр. соч. в 30-ти томах. Т. 4. М., 1985. С. 36.

²⁷ Подробнее см. статьи в кн.: Проблемы российского самосознания: мировоззрение А.П. Чехова / Отв. ред. С.А. Никольский. М., 2011.

потомственный дворянин, по мнению отца его, «есть отличительное свойство раба и варвара». Труд дворянина должен быть исключительно умственным. Отец апеллирует к благородным предкам и традициям, презрев которые сын «стремится в грязь». Мисаил же полагает, что «общественное положение», о котором так печется его отец, «составляет привилегию капитала и образования»²⁸, каковых у него нет и начинает работать по малярному и кровельному делу. За эту «работу не по чину» его третируют все жители города, знакомые при встречах с ним конфузятся, а влюбленная в него девушка просит не кланяться ей на улице. Решение Мисаила нравственно безупречно и глубоко продумано, в спорах со знакомыми он, в ответ на рассуждения о мировом прогрессе, отвечает: «Вопрос – делать добро или зло – каждый решает сам за себя, не дожидаясь, когда человечество подойдет к решению этого вопроса путем постепенного развития»²⁹. В противостоянии чеховских героев злу и косности отчетливо слышится и голос самого Чехова, исповедующего теорию малых дел. Перемены совершаются неспешно, незаметно, однако все же совершаются: так, сограждане Мисаила постепенно признают его право самому определять свою судьбу, быть свободным от предрассудков, от своего рода «дворянской крепостной зависимости». Герой как бы переживает свой собственный 1861 год: из недр «дворянской общины» выходит в создаваемый его участием мир гражданского общества. Свободный выбор и личные усилия, помноженные на терпение, а также на сопротивление лени и предрассудкам, помогают человеку преодолеть рабство. В конце концов городское общество уступает воле упрямого человека. Очевидно, что выписанное доктором Чеховым лекарство вполне пригодно и для оздоровления отношений государства и общества.

* * *

Попробую сформулировать некоторые выводы. Первый, очевидный, состоит в том, что при обсуждении проблематики взаимоотношений государства и общества, равно как и связующей их фигуры человека, исследователям разных специальностей не следует замыкаться исключительно в научной сфере. Художественное освоение действительности, тем более такое, какое было в отечественной истории, когда литература в силу разных обстоятельств всерьез и надолго брала на себя функции философского освоения мира, значит для понимания проблемы ничуть не меньше, чем научное познание. Взгляд на творчество классиков русской литературы XIX столетия под гуманитарно-философским углом зрения, предложенном в статье, позволяет, как я думаю, заключить, что многие из вопросов, которые мы сегодня квалифицируем как актуальные, на самом деле, хотя в иных смысловых одеждах и образах, формулировались и разрешались задолго до наших дней. При этом один из несомненных выводов, подтверждаемый многими работами, помещенными под обложкой нашей книги, состоит в следующем. Только личные усилия, «внутренняя»

²⁸ Там же. Т. 9. С. 193.

²⁹ Там же. С. 222.

работа, которые каждый человек делает индивидуально или в сообществе, являются не только необходимой частью, но, порой, и единственной твердой почвой, ступая на которую удается сдвинуть с «мертвой точки» застрявшую в авторитарной колее машину под названием «российское государство».